

ПИСЬМА ¹⁾

В. П. Знаменскаго, А. А. Благовѣщенскаго и К. А. Нево-
лина ²⁾, къ протоіерею Ф. А. Толубинскому.

I.

Прит. рук. Ф. А. Г.:
Получилъ въ свѣтлое Христово
Воскресенье. Марта 25, 1828.

Отвѣчалъ Маин
23. 1828.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Наставникъ!

Теодоръ Александровичъ!

Христосъ воскресъ!

Сколько священнымъ, столько и пріятныхъ почитаемъ
долгомъ для нашего сердца поздравить Васъ съ великимъ

1) Эти письма печатаются по оригиналамъ, хранившимся въ архивѣ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и нынѣ переданнымъ мною въ Академическую Библіотеку. *Ред.*

2) „Знаменскій“ Василій Потаповичъ. Изъ Ярославской Семинаріи поступилъ въ студенты Академіи въ 1824 году, и занималъ въ разрядныхъ спискахъ первое мѣсто. Оставалось ему полгода до окончанія курса. какъ встѣдствіе доклада Сперанскаго Императору о необходимости избрать изъ духовныхъ Академій—петербургской и московской по трое воспитанниковъ для образованія ихъ въ російскомъ законовѣдѣніи, былъ избранъ и въ февралѣ 1828 года вмѣстѣ съ двумя своими товарищами Благовѣщенскимъ и Неволлинымъ отправленъ въ Петербургъ. Здѣсь они слушали въ Университетѣ уроки по юридическимъ наукамъ, и кромѣ того во 2-мъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества у Балугьянскаго, Кувицына, Плесова, Клокова. За ходомъ ихъ образованія наблюдалъ самъ Сперанскій. Послѣ экзамена, который произвелъ имъ Сперанскій вмѣстѣ съ профессорамъ-юристами, они въ сентябрѣ 1829 года

Профессоръ философіи, Протоіерейъ
Георгійъ Толубитскій.

всерадостнымъ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, и пожелать Вамъ—праздновать оный съ истинно свѣт-

отправлены были за границу и въ Берлинъ отданы въ руководство профессору гражданскаго права Савиньи. Кромѣ его лекцій они слушали въ берлинскомъ Университетѣ лекціи у Кленце, Гофмана, у знаменитыхъ Риттера, Гегеля (недолго), Бенеке и у другихъ болѣе чѣмъ 25 профессоровъ. Пробывъ два съ половиною года въ заграничномъ путешествіи, во время котораго два раза посѣщали разные города въ Германіи и Швейцаріи, они въ сентябрѣ 1832 года возвратились въ Петербургъ. Савиньи отозвался о нихъ Сперанскому, что изъ 500 студентовъ Берлинскаго Университета они были первые. Ихъ предназначили къ занятію кафедръ юридическихъ наукъ въ Университетахъ или въ предполагавшемся къ открытію училищѣ правовѣдѣнія, а до времени ихъ причислили ко 2-му отдѣленію канцеляріи Его Величества, и Сперанскій поручилъ имъ обработывать сводъ законовъ остзейскихъ губерній. Въ 1833 году имъ дано Высочайше разрѣшеніе держать экзаменъ прямо на степень доктора. Весной 1834 года этотъ экзаменъ былъ ими выдержанъ и потому они представили докторскія диссертации. Знаменскій написалъ на тему: *philosophica iuris civilis tractandi ratione, per comparationem iurium diversarum gentium instituenda*. Диссертация одобрена и уже печаталась: автору назначена кафедра правовѣдѣнія въ кievскомъ Университетѣ, какъ вдругъ онъ сильно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и скончался въ январѣ 1835 года (См. подробности о немъ въ моей статьѣ: одинъ изъ питомцевъ Сперанскаго. Русск. Вѣстн. 1866, январь).

„*Неволинъ* Константинъ Алексѣевичъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Въ одно время съ Знаменскимъ (см. это слово) въ началѣ 1828 г. избранъ изъ студентовъ Академіи и отправленъ въ Петербургъ и потомъ въ Берлинъ для наученія правовѣдѣнія. Возвратившись изъ-за границы выдержалъ докторскій экзаменъ и защитилъ въ февралѣ 1835 диссертацию на степень доктора: о философіи законодательства у древнихъ, и назначенъ профессоромъ энциклопедіи правовѣдѣнія въ кievскій Университетъ, изъ котораго въ 1843 г. переведенъ въ петербургскій на кафедру русскихъ гражданскихъ законовъ и гражданскаго судопроизводства. Скончался въ октябрѣ 1855 года, оставивъ послѣ себя значительное количество сочиненій, которыя изданы въ 1857 году въ шести томахъ. Изъ этихъ сочиненій имѣютъ особенно важное значеніе: Энциклопедія правовѣдѣнія, въ двухъ томахъ (изд. въ Кіевѣ въ 1839 г.). Исторія российскихъ законовъ, въ 3 частяхъ (Спб. 1851), и О повтореніи пятинахъ (Спб. 1853 г.) (Свѣдѣнія о Неволинѣ: Очеркъ служебной и ученой дѣятельности К. А. Неволина, М. Усова, въ Сѣверной Пчелѣ 1855, №№ 234 и 236; и особой брошюрой съ прибавленіемъ краткаго изложенія содержанія всѣхъ его сочиненій и съ портретомъ. Спб. 1855. — Москвит. 1855, т. VI, № 21. Заблудкаго воспоминаніе о Неволинѣ въ Вѣстн. географ. общ., ч. XV, кн. 5, отд. 5. Русск. Вѣстн. 1866, январь. Императ. петерб. Университетъ. В. В. Григорьева. Спб. 1870).

„*Благоволецкскій* Алексѣй Андреевичъ. вмѣстѣ съ Знаменскимъ избранъ

люю радостію духа, въ христіанскихъ утѣшеніяхъ сердца; о! да даруетъ, да изліетъ Богъ съ преизбыткомъ свои утѣшенія радостотворныя въ то сердце, отъ коего столь многимъ изливалось утѣшеніе, укрѣпленіе, назиданіе! И мы почерпали отъ сего богатства Вашей души, и, можетъ быть, болѣе нежели кто-либо другой—и мы обогащались! Сколько разъ отходили мы отъ Васъ съ лучшими чувствами и расположеніями, съ большимъ спокойствіемъ сердца, какъ бы съ освѣженною душею! Сколько живыхъ, драгоценнѣйшихъ уроковъ нами принято отъ Васъ и теперь еще сохраняется во глубинѣ души нашей; и да сохраняются они въ ней навсегда—сего по крайней мѣрѣ желаемъ мы, если уже не знаемъ, судить ли Богъ еще когда либо слышать отъ Васъ подобные уроки. Можетъ быть наши выраженія преувеличенными Вамъ кажутся—но для насъ онѣ совершенно истинны; и Вѣдущій сердце видитъ, можемъ ли мы чувствовать, можемъ ли говорить иначе! Мы чувствуемъ также, что мы виноваты предъ Вами, виноваты предъ самими собою въ продолжительномъ молчаніи; но у Васъ—мы знаемъ, нѣтъ виноватыхъ; предъ самими собою—безполезно оправдываться.—Что касается до нашего положенія, оное вообще какъ полагаемъ, Вамъ же извѣстно, мы можемъ теперь прибавить къ тому только нѣкоторыя частности, точнѣе оное опредѣляющія. Послѣ помѣщенія насъ въ Университетъ и опредѣленія на казенное содержаніе, долго еще мы ничего не знали опредѣленно объ образѣ, времени и даже предметахъ нашихъ занятій въ частности. Программу нашихъ уроковъ представляли Государю Императору сперва съ означеніемъ только предметовъ и обучающихъ; но Государю угодно было потребовать расположеніе самыхъ часовъ,—знакъ лестнаго вниманія—и за симъ то время нѣсколько продолжилось. Въ Университетѣ мы должны слушать уроки

изъ студентовъ Академій въ 1828 г. для изученія юридическихъ наукъ въ Петербургѣ и за границею. По возвращеніи изъ Берлина выдержать экзамень на доктора правъ и написалъ диссертацию: „О методѣ науки законовѣдѣнія въ XVIII вѣкѣ“ (напеч. въ Ж. М. Н. Пр. 1835). Скончался въ 1835 году“. (Прот. С. К. Смирновъ, —Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія. М., 1879, стр. 484—487. Нѣсколько стихотворныхъ произведеній В. П. Знаменскаго напечатано въ той же книгѣ. на стр. 615—622, 623, 624).

по Римскому праву и языкамъ,—мы ихъ уже слушаемъ давно, хотя не всё (по Нѣмецкому, Франц. и Англійскому, еще не начались почти); въ канцеляріи—уроки по Праву Естест., Народному, Россійскому, по Статистикѣ, Исторіи и Полит. Экономіи начаты уроки только въ послѣднюю недѣлю, и то еще слегка. Здѣсь будутъ насъ обучать четыре Профессора. Касательно пособій Государь Императоръ изволилъ сказать, что „не надобно жалѣть денегъ для покупки нужныхъ и полезныхъ книгъ для нашего образованія“.—Одинъ изъ нашихъ Профессоровъ, который долженъ преподавать Статистику и Исторію, есть Арсеньевъ, сынъ, какъ я слышалъ, Костромскаго Протоіерея (конечно Якова Арсеньича) и Вамъ, можетъ быть, извѣстенъ; здѣсь онъ славится, и говоритъ, будто ему препоручено составить Статистику для Наслѣдника А. Н. Трое другихъ были прежде Профессорами въ Университетѣ, но вышли оттуда при какомъ то переворотѣ, а послѣ приняты Михайломъ Мих. въ канцелярію, на важныя мѣста, также какъ и Мих. Андр. Балугьянскій, который еще образовалъ въ Правовѣдѣніи самого Государя Императора, тогда бывшаго Великимъ Княземъ.—Скажемъ нѣсколько словъ объ Университетѣ. Онъ, можно сказать, весьма бѣденъ со всѣхъ сторонъ: строеніе очень невидное, помѣщеніе вообще тѣсное, хотя казенныхъ студентовъ только 30 человѣкъ; они живутъ въ одной обширной залѣ, только разгороженной на двѣ половины,—въ одной спятъ, въ другой занимаются—это раздѣленіе наблюдается здѣсь во всѣхъ учеб. заведеніяхъ, и у насъ также двѣ комнатки: Кабинета при Университетѣ—не бывало, Библіотека очень скудная; вся эта бѣдность отъ того во первыхъ, что Универс. основанъ еще очень недавно, около 8-ми лѣтъ; но были еще и другія причины, истощившія сумму онаго. Лучшіе Профессоры: *Щегловъ* (издатель *указателя*), Инспекторъ Университета, который и къ намъ примѣтно расположенъ, самъ будучи изъ дух. званія; двое другихъ по матем. факультету—*Чижевъ* и *Соловьевъ*; *Шнейдеръ*, у коего мы слушаемъ *Римское право*; *Грефе*, обучающій Лат. и Греч. языкамъ превосходно. Болѣе не знаемъ.—Изъ духовныхъ познакомились мы съ о. Владиміромъ, который весьма обласкалъ насъ; и Мих. Мих. кромѣ того, что самъ говорилъ намъ, препоручилъ еще ему увѣрить насъ, что мы будемъ довольны своею

участью. Касательно Вашего препорученія къ о. Наананду, кажется, нѣтъ уже нужды писать; потому что о. Наанандъ обѣщаль послать къ Вамъ книжку 13-го еще числа, и, думаемъ, уже выполнилъ это. Были также мы, по прїѣздѣ сюда вскорѣ, у Барона Розенкампа; принялъ насъ съ чрезвычайнымъ добродушіемъ и ласковостію; но тогда посидѣли немного, а послѣ еще не удавалось намъ видѣть его; онъ слабъ здоровьемъ. Наконецъ мы начинаемъ привыкать къ мѣсту своего жителства, и по малу разсѣвать скуку, происходившую отъ воспоминанія того, что оставлено; надѣмся, что исполненіе Христ. долга на сихъ дняхъ, и таинство Тѣла и Крови Христовой и паче укрѣпить силы духа, Свѣтлый праздникъ воскресенія оживить и утѣшить сердце, а весеннее время освѣжить силы тѣлесныя и душевныя. За симъ съ глубочайшимъ сердечнымъ почитаніемъ и признательностію честь имѣемъ пребыть, Ваши,

Достопочтеннѣйшій Наставникъ и Благодѣтель,
 покорнѣйшіе слуги: Василій Знаменскій,
 Константинъ Неволинъ,
 Алексѣй Благовѣщенскій.

Марта 20-го 1828-го.

П. П. Просимъ Васъ также принять трудъ засвидѣтельствовать отъ всѣхъ насъ достопочтеннѣйшимъ нашимъ Наставникамъ, Θεодору Алексѣевичу и Петру Спиридоновичу истинное наше почитаніе и признательность; также Дмитрію Петровичу, если онъ не уѣхаль, обще отъ всѣхъ, и въ особенности отъ его единомыслица, который всегда къ нему сердечно привязанъ, хотя и виноватъ теперь предъ нимъ; еще все не собрался писать. Равно просимъ объявить наше почтеніе и Александру Иродіоновичу, общее отъ всѣхъ.

Въ особенности—я, и Константинъ Алекс. просимъ засвидѣтельствовать наше глубочайшее почитаніе Ея Сіятельству Графинѣ Параскевѣ Николаевнѣ, и Елисаветѣ Андреевнѣ; наше сердечное почтеніе и любовь любезнѣйшему Михайлѣ Владиміровичу, о здоровьѣ коего мы нѣсколько имѣемъ причинъ сомнѣваться, наше искреннее почитаніе Александрѣ Ивановнѣ, также Александрѣ Владиміровнѣ и Людмилѣ Павловнѣ. Мы не преминемъ конечно поздравить ихъ всерадостнымъ Праздникамъ; но теперь еще сего не исполнили, и того еще не знаемъ вѣрно, не уѣхали ли они.

... Здѣсь, у преосв. Филарета, живетъ теперь о. Макарій, прежній Костр. Ректоръ, и Вашъ другъ; давно ли онъ здѣсь и скоро ли уѣдетъ—не знаю; и не успѣлъ еще съ нимъ повидѣться.

II.

Прин. рук. Ѳ. А. Г.:
Отвѣчалъ мая 23. 1828.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Наставникъ!
Феодоръ Александровичъ!

Непонятно для меня самого, какъ могъ я такъ долго ничего не писать къ Вамъ, такъ долго—что мнѣ наконецъ стыдно уже писать! Какъ будто бы я хотѣлъ уже вовсе прервать сообщеніе съ Вами—тогда какъ оно есть одно изъ лучшихъ моихъ утѣшеній, тогда какъ Вашъ образъ, Ваши слова, Ваше все, чего я назвать не могу, такъ неизгладимо такъ живо хранится въ моемъ сердцѣ, кажется, живѣе нежели прежде! При одномъ воспоминаніи объ Васъ душа моя готова излиться, но говорить Вамъ все, что бы мнѣ хотѣлось, будетъ, можетъ быть—нескромно! Скажу только, что я не имѣю, и, Богъ знаетъ, буду ли имѣть еще такого Наставника, какого имѣлъ въ Васъ—такъ мое сердце привыкло прислушиваться къ Вашимъ наставленіямъ и совѣтамъ; но теперь наставленіе для меня есть воспоминаніе объ Васъ—оно же внушаетъ мнѣ лучшія чувства, или укрѣпляетъ меня въ добрыхъ расположеніяхъ, сколько впрочемъ онъ не слабъ! Еще повторяю: оно—мой наставникъ!—впрочемъ я имѣлъ счастье раза два или три пользоваться бесѣдою достопочт. о. Макарія, бесѣдою, полною мудрости опытной и—простой. Онъ препоручилъ мнѣ засвидѣтельствовать Вамъ его искреннѣйшее почитаніе. Самъ же уѣхалъ въ одинъ монастырь здѣшнихъ краевъ на лѣто, или до пріѣзда Преосв. Филарета, ибо онъ увѣренъ, что Преосвященный пріѣдетъ сюда назадъ къ зимѣ. Мы уже простились съ преосв. Филаретомъ; онъ ѣдетъ на этой недѣлѣ. Познакомились мы также, еще съ самаго начала, съ Александромъ Петр. его Секретаремъ, и ходили къ нему нередко: человекъ очень доброй, сколько мы имѣли случай испытать. Много беспокоило насъ то, что деньги, на платѣе намъ употребленныя, Преосв. не хотѣлъ было ставить на

счетъ казны,—но теперь, какъ мы слышали, это уже рѣшено иначе. Что мнѣ сказать о своемъ положеніи?—Теперь я довольно уже привыкъ къ этому образу жизни и предметы начинаютъ становиться занимательными (говорю о себѣ, потому что мнѣ труднѣе другихъ было привыкать); съ этимъ вмѣстѣ жизнь сія получаетъ и нѣкоторыя своего рода пріятности. Правда, предметы наши могутъ быть занимательны только для разума; но тѣмъ дороже становится то, что можно встрѣтить питательнаго для сердца; тѣмъ пріятнѣе на нѣсколько минутъ возвращаться въ чувство. Требуется трудъ постоянный, хотя не тяжелый—тѣмъ лучше, при этомъ и прогулка тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны. Пріятное теперешнее время имѣетъ много добраго вліянія на расположеніе духа. Не излишне кажется мнѣ сообщить нѣкоторыя черты о нашихъ Профессорахъ. Начальникъ этого отдѣленія канцеляріи, Балугьянскій, бывший нѣкогда Профессоромъ изъ лучшихъ въ Европѣ (какъ наши же проф. отзывались) ничего намъ не преподаетъ: онъ отказался отъ этого за тѣмъ, что уже отвыкъ отъ преподаванія, да и дѣлъ у него много, какъ можно думать. Теперь онъ уѣхалъ на минеральныя воды,—вмѣсто его Правленіе Канцеляріею поручено *Кунцигину*. Сей человекъ изъ духовнаго званія, Статскій Совѣтникъ; есть въ печати его *Естест. Приво*: но оно запрещено; о причинахъ судить не могу, я и не читалъ этой книги. Онъ преподаетъ намъ *Пропедвтику*, или нѣкотораго рода Энциклопедическія познанія о *Правѣ* также исторію Росс. Законодательства:—человекъ какъ весьма трудолюбивый и степенный по характеру, такъ и богатый свѣдѣніями по своей части—онъ умѣетъ очень хорошо занимать насъ, и излагаетъ привлекательнымъ обр. Другой—*Плисовъ*—также изъ духов. званія,—преподаетъ Политич. Экономію; хотя имѣетъ тотъ недостатокъ, что въ изъясненіи часто теряетъ нить логическую, но замѣняетъ это съ избыткомъ свѣдѣніями основательными, богатствомъ опытовъ, и участіемъ, съ какимъ проходитъ свою науку. Также довольны мы и тѣмъ участіемъ, какое онъ принимаетъ въ насъ, особенно. *Конст. Иван. Арсеневъ*, родственникъ Якова Арсенъича (а не сынъ, какъ то явно изъ имени) намъ по опыту еще не извѣстенъ—почти не начиналъ; но извѣстенъ во всеобщемъ мнѣніи, какъ отличный Проф.—какъ Авторъ *Статистики Россійской*,

и *Исторіи Греціи*. Ему препоручено написать Статистику для Наслѣдника, новую ли, или только исправить прежнюю—сказать не могу. Четвертый Проф. — *Клоковъ*; проходить Госуд. законы,—объ немъ сказать—ничего. Эти четверо при канцеляріи. При Университетѣ *Шнейдеръ*, преподающій Римское право, человѣкъ знающій свое дѣло. вышедшій изъ Моск. Университета. Проф. *Грефе*, почти состарѣвшійся надъ древними языками, но не знающій Рускаго, страстный любитель поэтовъ древнихъ, прекрасно знаетъ ихъ (доселѣ Гомера и Виргилія) на Латинскомъ языкѣ—хотя это для насъ дѣло не существенное. Прежде я написалъ Вамъ, что здѣсь нѣтъ даже Кабинета—виновать! ошибся, на основаніи общаго понятія о бѣдности Университета. Факультетъ физико-математ. здѣсь довольно не бѣденъ. Но философскій—скажу только, что Метафизику проходятъ по Баумейстеру. въ числѣ студ. я также ошибся. На казенномъ теперь 35, а всѣхъ за 170.—Возвращаюсь къ Канцеляріи, чтобы объ ней сообщить нѣкоторое понятіе. Тутъ составляютъ Штатъ около 7-ми *Чиновниковъ Старшихъ* (такъ называемыхъ), между коими раздѣлены разные отдѣлы законовъ для приведенія ихъ въ составъ; при нихъ еще есть *помощники старшіе и младшіе*—всѣхъ чиновниковъ около 25. Сверхъ Начальника *Балугьянскаго* надъ всѣмъ этимъ дѣломъ имѣетъ надзоръ Мих. Мих. (имѣющій должность чиновника по особннымъ порученіямъ при Государѣ) который, можно сказать, все это одушевляетъ и направляетъ. Теперь только конченъ весь *Сводъ* Россійск. законовъ, и разсматривается особенно для сего составленнымъ Комитетомъ. Наконецъ о новостяхъ, хотя ихъ почти нѣтъ. Кромѣ новаго Министра Просвѣщенія (человѣка извѣстнаго по благочестивому образу мыслей) еще новый Министръ внутр. дѣлъ, *Закревскій*, правитель (прежде) Финляндіи, извѣстный по прямодушію.—Викаріемъ Кіевскимъ Ректоръ тамошней Академіи, Кирилль; а Гавріилъ Нижегород. уже здѣсь для посвященія—симъ я долженъ окончить на сей разъ письмо. Примите глубочайшее сердечное почитаніе отъ преданнаго и благодарнаго навсегда Вамъ,

Достопочтеннѣйшій Наставникъ!

Василія Знаменскаго.

Достопочтеннѣйшій и Незабвенный Наставникъ, Теодоръ Александровичъ! Примите и отъ меня, Вамъ всегда преданнаго и благодарнаго, истинное сердечное почитаніе и благодарность нынѣ и впредь. Впрочемъ я не могу лучше благодарить Васъ, какъ по слову Небеснаго Наставника, соблюдая слова Ваши въ цѣлой моей жизни. Пребываю преданный Вамъ Алексѣй Благовѣщенскій.

Достопочтеннѣйшему и незабвенному своему наставнику Теодору Александровичу свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе.

Константинъ Неволинъ.

Май 15. 1828.

П. П. еще нѣсколько строкъ. Начавши говорить съ Вами не хочется скоро кончить. Я ничего не сказалъ о себѣ самомъ, или о внутренней своей исторіи, хотя это должно бы занимать первое мѣсто—но потому, что заговорился о внѣшней. Признаться надобно, что здѣсь немного и не отъ многихъ можно слышать напоминаніе о единомъ на потребу; а отъ нѣкоторыхъ изъ Профессоровъ—и никогда не услышишь; я не касаюсь ихъ правиль, нравственности: но основаній Религіи—не у всѣхъ одинаково тверды. Если заслушаться, можно иное и забыть, или изгладить въ душѣ—и тѣмъ легче, что это дѣлается очень непримѣтно—вчера я слушала проповѣдь о. Иннокентія (извѣстнаго) о томъ, *не оставилъ ли насъ нынѣ Духъ Святой, и не труднѣ ли нынѣ спасеніе?* великая сила мыслей и выраженія; какъ и обыкновенно въ его проповѣдяхъ; впрочемъ эта сила можно сказать теряется въ многообразныхъ искусственныхъ оборотахъ мыслей; произношеніе—ученое, искусственное, съ тонкими оттѣнками—но безъ жара, безъ силы душевной. Впрочемъ талантъ виденъ во всемъ. Потому я коснулся этого, что мнѣ самому давно хотѣлось слышать о. Иннокентія, хотя—признаюсь—болѣе изъ любопытства—таковъ и плодъ.—Случилось мнѣ также быть въ одномъ мѣстѣ, гдѣ публичное гулянье—(кстати ли это послѣ проповѣди, но что дѣлать? я пишу то, что встрѣчалъ замѣчательнаго). Можно почти сказать, что это антидотъ противъ гулянья; все чинно, въ порядкѣ, благородно и пр. но это—безконечная пестрота и—безконечная пустота! Прибавьте къ этому смѣшеніе всѣхъ почти званій и тѣсоту такую, что съ трудомъ можно под-

выгаться по широкимъ дорогамъ сада—и это возбудить только смѣхъ, такъ какъ и во мнѣ возбудило его, когда я, совершенно неожиданно увидѣлъ такое зрѣлище—или просто толкотню. Это толкучій рынокъ.—Но пора мнѣ кончить видно, что я ничего уже не скажу лучше этихъ пустяковъ. Прошу засвидѣтельствовать глубочайшее мое почитаніе Графинѣ Парасковѣ Андреевнѣ (если то будетъ не неприлично); мое сердечное почитаніе и любовь Михаилу Владиміровичу, не пишу къ нему теперь, потому что писалъ недавно.—Прошу также засвидѣтельствовать мое почтеніе Александру Иродіоновичу, если его увидите, и Ивану Михайловичу.

Также, если увидите, Козмѣ Васильевичу и о. Іоанну—что можетъ сказать и Михаилъ Владиміровичъ.

III.

Прин. рук. Ф. А. Г.:
Отвѣчалъ при личномъ свиданіи
Іюня 1829.

Получено Іюня 17.
1828.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій
Наставникъ!
Феодоръ Александровичъ!

Любезное Ваше писаніе принесло мнѣ и наставленіе и утѣшеніе—или, въ наставленіи утѣшеніе. Не потому такъ говорю я, чтобы имѣлъ какую либо скорбь, какую либо особенную нужду въ утѣшеніи—но потому что душа, озабочиваемая и отвлѣкъ непрерывно, и еще, можетъ быть, болѣе возмущаемая извнутри мятежными движеніями, конхъ въ ней неистощимый источникъ, запутывается во всемъ этомъ непримѣтно, утомляется—и потому всегда имѣетъ нужду въ томъ утѣшеніи, которое даетъ ей отдыхъ, обращая взоръ нашъ къ высотѣ, изъясняя насъ хотя на нѣсколько минутъ изъ этихъ опутывающихъ насъ сѣтей. Говоря истину, извнутри, только извнутри плодятся всѣ эти безпокойства—тамъ бездонной кладязь—но отъ чего? отъ того, что мы бѣдные не имѣемъ, даже не хотимъ нескать той свободы души, чтобы *inter multas curas quasi sine cura transire, non more torpentis, sed praerogativa quadam liberae mentis, nulli creatur inordinata affectione adhaerentis* (De im S. C. I. III c. XXVI). Благодарю Васъ любезнѣйшій Наставникъ мой! несказанно благодарю за того друга,

котораго Вы со мной отпустили, и коего слова я привелъ теперь—этотъ вѣрный другъ и совѣтникъ, часто прилагаетъ къ душѣ пластырь цѣлебный, только эта неразумная больная скоро забывается, и срываетъ его съ ранъ. Но и нѣкоторыя минуты—дорогія минуты!

Перескажу Вамъ, что запомнилъ изъ бесѣды почтеннѣйшаго о. Арх. Макарія (его здѣсь давно уже нѣтъ, онъ уѣхалъ въ Брянскъ, почти въ одно время съ Преосв. Филаретомъ). „Какъ бы мнѣ, спрашивалъ я его, сохранить въ себѣ память о присутствіи Божиѣмъ? я чувствую, какъ сильно сіе памятованіе обуздываетъ душу, но оно на краткое только время возобновляется, а никакъ не сохраняется постоянно—какъ это не казалось бы легко для меня самаго?“—весьма простое средство для этого, говорилъ онъ: повторять непрестанно про себя: Господи помилуй! если же будутъ одолевать какія-нибудь дурныя мысли, или чувства,—то прочитывать молитву: *Отче нашъ*; симъ надобно ограждать себя всегда, и вразумлять себя, чтобы все, отъ малаго до большаго, дѣлать не для себя, но во славу Божию. Такъ, напр. и за столомъ, надобно сею мыслию освящать сіе дѣло, чтобы не дѣлать сего, только какъ животныя, но какъ должно человѣку“. Совѣтовалъ также чаще молиться, или стоять предъ Богомъ въ молитвенномъ расположеніи, чтобы чаще укрѣплять себя, и вводить въ тотъ порядокъ, въ которомъ всегда должны мы дѣйствовать и мыслить. Спрашивалъ я его также, какъ бы пріобрѣсти любовь къ тѣмъ, съ кѣмъ мы живемъ; (и теперь, и гдѣ бы то ни было) потому что испытывалъ я, что чѣмъ тѣснѣйшее имѣемъ къ кому отношеніе, тѣмъ легче и чаще возникаютъ неудовольствія, если не внѣшно обнаруживающіяся, то внутри таящіяся, и охлаждающія доброе расположеніе—и хотя, если посмотрѣть на себя, то все себя же найдешь виноватымъ: но между тѣмъ эти злыя сѣмена все снова вкрадываются и вырастаютъ прежде, нежели успѣешь осмотрѣться“.— „Что дѣлать? (гов. онъ) эта любовь и терпѣніе пріобрѣтается долговременнымъ трудомъ; но между тѣмъ можно научиться одной по малу тѣмъ, чтобы стараться, даже противъ воли своей, услуживать другимъ и внѣшнимъ образомъ, хотя бы въ самыхъ мѣлкихъ вещахъ; симъ способомъ подавляться будетъ непримѣтно внутреннее враждующее самолюбіе, и сердце опытно пріучится, такъ

сказать, къ любви“.—Болѣе теперь не припоминаю изъ его наставленій; да и не имѣлъ я случая много слышать ихъ; не много разъ я былъ у него, и то большею частію съ друзьями.

Что Вы пишете о Вас. Вас., то весьма для насъ утѣшительно; ибо много уже значить имѣть такую добрую увѣренность о Наставникѣ, по коей можно любить его; (а безъ этого и ученіе не живо) впрочемъ я не имѣлъ случая видѣться съ нимъ иначе, какъ только въ классѣ; очень занятъ, по разнымъ должностямъ, по этому я и совѣщусь и не смѣю отвлекать его, да и у насъ кромѣ праздниковъ вовсе нѣтъ времени. Впрочемъ онъ, говорилъ, что, когда найдетъ удобнымъ, назначить намъ всеѣмъ время для того, чтобы заниматься съ нимъ на дому у него. А теперь онъ пріѣзжаетъ къ намъ два раза въ недѣлю, въ 7-мъ часу утра, и занимается съ нами особенно до 8 ми, а съ 8-ми бываетъ общій классъ. Разница въ томъ, что онъ проходитъ съ нами свой предметъ на лат. языкѣ, пространнѣе, и по порядку *Institutioni Iustiniani*. Такъ расположено Михайломъ Мих.—Скажу еще нѣчто и о нашемъ почтеннѣйшемъ Попечителѣ (Мих. М.). Прежде нежели онъ принялся за это (великое) дѣло—составленіе существ. законовъ, извѣстно, что давно уже трудилась комиссія надъ проектами разумныхъ частей законодательства, но ничего сдѣлать не могла: всякой стронлъ въ головѣ свою систему заимствуя ее частію изъ разныхъ иностранныхъ законовъ, частію же изъ своихъ идейно ни одинъ изъ этихъ проектовъ, кои составлено до 50-ти, не годился для практики—сочинители сами мало знали Россію и ея законы. Михайлу Мих. первому пришла мысль,—собрать въ Систематическн-Историческомъ порядкѣ всѣ законы Россійскіе, начиная съ Уложенія,—дабы тѣмъ положить основаніе къ составленію новаго Уложенія (что собственно составляетъ цѣль Государя), сообразнаго съ духомъ законовъ Русскихъ. Онъ то теперь и управляетъ одинъ симъ дѣломъ, будучи вице-президентомъ Госуд. Совѣта; и подъ его руководствомъ трудятся чиновники сего 2-го отд. Канцеляріи—кои сами всѣ очень умные люди—каждый обрабатываетъ свою часть. Впрочемъ кромѣ Историческаго составляется еще, и большею частію уже составленъ, Сводъ Догматическій, т. е. тѣхъ законовъ, кои доселѣ имѣютъ силу. Кстати

сказать: недавно объяснили мы (одинъ изъ насъ) нѣкоторыя свои нужды Михайлу Мих. и онъ обѣщавши дѣлать намъ нѣкоторую выдачу ежемѣсячно, прислалъ за Іюнь по 10 р.— изъ своихъ денегъ. доколѣ нельзя испросить у Государя позволенія выдавать намъ изъ суммы казенной. Не знаю, за мѣсяцъ ли это, или болѣе; но если это полагается ежемѣсячно, то для насъ будетъ уже слишкомъ достаточно. На сей разъ окончу свое письмо. Примите искреннѣйшее увѣрѣніе въ глубочайшемъ почитаніи и любви всею душою Вамъ преданнаго.

Василія Знаменскаго.

Іюня 10-го
1828.

Прошу засвидѣтельствовать мое истинное почитаніе Графинѣ Парасковѣ Николаевнѣ, Елисаветѣ Андреевнѣ, Александрѣ Ивановнѣ и Михайлу Владиміровичу; также Ивану Михайловичу, если увидите, и Александру Родіоновичу.

— Константинъ Алекс. свидѣтельствуетъ Вамъ усерднѣйшее почитаніе—(теньеръ онъ отлучился). Равномѣрно и Алексѣй Андреевичъ—впрочемъ оба они располагаются сами писать къ Вамъ по слѣд. почтѣ.

Прил. рукъ Ф. А. Г.:
Отвѣч. при личн. свид.
Іюня 1829 го г.

Получено Іюня 17. 1828

Іюня 11-го. Вы извините, почтенивнѣйшій Теодоръ Александровичъ, мой обычай—приставлять лоскутокъ къ лоскутку—еще хочется, нѣчто сказать, потому что и говорить съ Вами есть уже утѣшеніе для меня. Вы конечно простите меня въ томъ, что я не поздравилъ Васъ съ рожденіемъ дочери въ свое время, (потому что меня извѣщали объ этомъ товарищи)—хотя впрочемъ радоваться о семъ и сорадоваться всегда время. Я также долженъ извѣстить Васъ о домашней перемѣнѣ—сестрица моя (если Вы ее когда видали) сочеталась бракомъ съ Вас. Петр. Серебровскимъ, (которой годъ тому назадъ, поступилъ въ Семинарію на классъ всеобщ. Исторіи)—въ началѣ Маія.

Вы нѣчто писали еще въ письмѣ Вашемъ о томъ, чтобы не судить о началахъ религіозныхъ В. В. Шнейдера, и можетъ быть я подаль о семъ мысль тѣмъ, что прежде упомянулъ объ этомъ нѣчто. Но я тогда вовсе не имѣлъ въ

мысли его, а говорилъ только о нѣкоторыхъ другихъ, отъ коихъ въ урокахъ ихъ случается слышать отзывы и мысли, не совсѣмъ (какъ мнѣ кажется) согласныя съ духомъ общимъ Религіи: и признаюсь, что такія мысли внушаютъ и недовѣріе къ учащему; даже прискорбно бываетъ слышать это. Но—боюсь, чтобы не сказать лишняго, въ сужденіи о другихъ.

Сюда собрались изъ трехъ Университетовъ, Московскаго Казанскаго и Виленскаго избранные для отправленія въ вояжъ — и ожидаютъ экзамена. Всѣхъ назначено послать 20 чел., а можетъ быть и болѣе. Въ слѣд. субботу будетъ здѣсь Актъ. Новый Министръ просвѣщенія посѣщаль Университетъ—но безъ насъ, и мы его не видали. Когда Начальники Унив. пріѣзжали къ нему, чтобы представиться, то онъ не принялъ ихъ, а обѣщался пріѣхать самъ въ Унив. въ назначенный день. И такъ въ этотъ день всѣ собрались, и ожидали его—но онъ не пріѣхаль, а пріѣхаль послѣ нежданнаго.

У Васъ теперь должно быть время многотрудное; вѣроятно начались экзамены, и, можетъ быть, гостить у Васъ Преосв. Митрополитъ, а это гость не на шутку. Участіе, особенно въ судьбѣ товарищей, представленіе скорого ихъ разѣзда весьма часто заставляеть меня переноситься къ Вамъ мыслию, какъ будто бы усиленнымъ желаніемъ можно было нѣсколько приблизиться къ сему родному для меня мѣсту, посмотреть на кругъ знакомый и проститься съ нимъ. Вѣрно много у нихъ трудовъ, потому что давно уже никто къ намъ не пишетъ.

Я ничего не пишу Вамъ о новостяхъ военныхъ—онѣ до насъ доходятъ общимъ путемъ, и еще позже, нежели къ другимъ—мы могли бы, узнавать о нихъ скоро въ Канцеляріи, если бы хлопотали объ этомъ, но—у насъ довольно другихъ хлопотъ, и не остается для этого времени. Другое уже воскресенье совершаются здѣсь молебствія о побѣдахъ—на морѣ и на Дунаѣ, кои Вамъ уже конечно извѣстны.

Слышали мы, что на Орловскую Епархію представленъ о. Поликарпъ,—но вторымъ кандидатомъ (не обидно ли это?) а первымъ о. Назанаиль. Симъ оканчивается все, что я могъ еще сказать о сторовнихъ дѣлахъ. Въ заключеніе осмѣлюсь просить: не лишите меня надежды и впредь иногда—

иногда только—получать любезныя Ваши строки—я знаю, сколько Вы обременены и развлечены дѣлами; но увѣренъ, что не забудете вовсе Вамъ преданнаго

Усерднѣйшаго Вашего слугу

В. Знаменскаго.

IV.

Прин. рук. 6. А. Г.
Получилъ съ благодарностію.
Не успѣлъ отвѣчать.

Достопочтеннѣйшій Наставникъ мой,
Феодоръ Александровичъ!

Съ глубокимъ чувствомъ почтенія и притрепетной радости получилъ я Ваше писаніе, содержавшее, подъ впечатію тайны, драгоценнѣйшія правила жизни христіанской. Чтеніе и углубленіе въ разумъ ихъ есть нынѣ одно изъ лучшихъ ежедневныхъ занятій, которыя совершаются прежде, и послѣ исправленія дѣлъ классическихъ и сопровождается всякой разъ новымъ поученіемъ и назиданіемъ, все яснѣе и яснѣе открывая среди примраковъ совѣсти и произволовъ сердца человѣческаго истинный путь къ христіанской, чистой и Богоугодной жизни.

Зданіе сокрушается отъ одного удара, но возстановляется медленно. Такъ всякая грѣховная нечистота содѣвается мгновенно, но очищеніе ея требуетъ часто трудовъ и страданій цѣлой жизни. Послѣ сего кто, ежели онъ имѣетъ смиренія сколько нибудь и знаетъ, сколь высоко небо, гдѣ обитаетъ правда, сколь глубока бездна, въ которую грѣхъ низвергаетъ человѣка и сколь велика пропасть между ними, кто, не оттрясши прахъ грѣховный, дерзнетъ съ буйной гордынею летѣть въ праведное небо? Кто изъ грѣшныхъ земножителей можетъ, не отрѣшившись отъ земли, жить въ чистыхъ небесахъ? Чистый небесный эфиръ не стихія бытія и движенія душъ грѣшныхъ: подобно какъ нечистый земный воздухъ не есть стихія для чистѣйшихъ Духовъ. Далѣе—кто изъ смиренныхъ праведниковъ земли дерзнетъ взять на рамена свои грѣшника и вознесши его въ высокіе круги съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній палъ и сокрушился до основанія или проводилъ все свое время въ бесполезномъ и опаснѣйшемъ круженіи? Кто смиренный учинить дерзновенное по-

сягательство на славу Посредника Иисуса, который Единъ токмо можетъ на всемогущихъ раменахъ своихъ принести заблуждшее овча ко Отцу Своему? Кто смиренный похвалится, что онъ имѣеть крѣпкую вѣру, пламенную любовь и несомнѣнную надежду? Какъ плотскій человекъ можетъ имѣть сіи плоды Духа? Животныя, звѣри и гады, осужденныя пресмыкаться по землѣ, не могутъ летать по подобію небесныхъ птицъ. Будемъ трудиться и молиться ко Господу, да созиждетъ въ насъ сердце чисто и Духъ правъ обновить въ утробѣ нашей.

Испадшій изъ первоначальнаго единства и простоты во многочисленность и многосложность отношеній и связей, много ими обязавшійся и непрестанно снова опутываемый, подлинно не иначе долженъ возвращаться въ прежнее состояніе, какъ постепенно и какъ бы по одной нити развязывая узлы грѣховныхъ сѣтей своихъ. Мы слабы и немощны: но сѣти грѣха коварнѣе узъ Далилы. Конечно Благодать всемогущѣе Сампсона; но она пріобрѣтается медленно и постепенно, возрастаетъ и укрѣпляется въ насъ по мѣрѣ ослабленія и совершеннаго обезсиленія силъ и орудій грѣха. Я совершенно вѣрую въ тѣ обряды, которые представляетъ св. Церковь для наученія насъ простотѣ, и не хочу признавать никакихъ иныхъ.

Конечно, какой заблудившійся и утомленный путникъ не доспрашивается пути прямого и кратчайшаго, который бы велъ его къ цѣли странствованія и скорѣе и надежнѣе? Между тѣмъ если сей путь еще далекъ отъ распутій заблужденія и пролегаетъ къ нему стезя многотрудная, болѣзненная и весьма опасная: съ одной стороны безразсудно было бы отказаться отъ усердія путеуказателя, готоваго провести чрезъ сіи опасности, а съ другой изъявить дерзкое желаніе очутиться на указанномъ пути мгновенно. А когда таковой путь уже предложенъ, то безумно было бы спрашивать еще другого какого то пути. Для христіанина—путника къ небу единственный путь есть Иисусъ Христосъ. Какой же еще нуженъ ему путь прямѣйшій и кратчайшій? Правда, что путь сей чрезвычайно обширенъ и многосложенъ: но онъ во всѣхъ своихъ пунктахъ на всемъ безконечномъ пространствѣ отъ глубочайшаго поврежденія до высочайшаго освященія человека совершенно одинаковъ.

По таинственному разуму и руководству писанія, смиреніе, самоотверженіе, покаяніе и молитва и память Господа нашего Иисуса Христа составляетъ лѣствицу истиннаго христіанскаго совершенства. Признаемъ свою худость и ничтожество, отвергнемся отъ себя, наложимъ на себя покаяніе, будемъ молиться, трудиться, воздыхать и терпѣть!

Достопочтеннѣйшій наставникъ мой! Вотъ мои скудныя мысли о тѣхъ богатыхъ глубиною мудрости предметахъ, которые Вы благоволили предложить мнѣ для размышленія. Думаю, что я не выразумѣлъ и десятой доли ихъ; впрочемъ чувствую, что онѣ объемлютъ весь кругъ лучшей жизни и дѣятельности человѣческой. Сіе чувство безмѣрно возвышаетъ цѣну Вашихъ благодѣтельныхъ наставленій и располагаетъ меня свидѣтельствовать Вамъ усерднѣйшую мою благодарность. Позвольте принести ее Вамъ. Но какая благодарность можетъ сравниться съ возвышеннѣйшею цѣною благодѣянія, Вами чрезъ наставленіе оказаннаго мнѣ? Согласно съ заповѣдію Небснаго Учителя думаю принести и приношу вмѣсто ее искреннѣйшее и непоколебимое обѣщаніе поступать по словамъ наставленія Вашего во всѣхъ стезяхъ христіанскаго хожденія. Слова: „тихое и неторопливое разобраніе въ себѣ разнородныхъ началъ Свѣта и тьмы, устраненное отъ сонливости плотскаго духа и отъ нетерпѣливыхъ порывовъ и желанія летать, благонадежнѣе“—составляютъ мой всегдашній урокъ научающій съ одной стороны спасительной заботѣ о Единомъ на потребу, а съ другою—различенію духовъ. О, какое неоцѣненное наставленіе! Какъ бы счастливъ я былъ, если и впредь удостоенъ бы былъ слышать таковыя! Онѣ тѣмъ благоцѣннѣе и неоцѣненнѣе для насъ, что отъ немногихъ и весьма рѣдко имѣемъ случай получать ихъ. Занятія наши такъ многочисленны, что весьма мало оставляютъ времени для удовлетворенія потребностей Маріи, сестры многомоленной Маренъ. Шесть дней непрестаннаго дѣланія. Остается седьмой Господу Богу. Дай, Господи, проводить его всегда въ занятіяхъ дня седмичнаго! Та благодатная душа, къ которой я имѣю доступъ, всегда съ дружескимъ усердіемъ и христіанскою простотою готова бесѣдовать и преподавать чистыя крупицы хлѣба животнаго, и точно онѣ много служатъ къ пробавленію жизни алчущей души моей.

Сии нѣсколько строкъ написаны со всею искренностью и простотою... Позвольте мнѣ еще, по случаю Вашихъ трудовъ настоящихъ, съ сердечнымъ благодерзновеніемъ пожелать Вамъ добраго здравія и крѣпости отъ Господа силъ во всѣхъ путяхъ и начинаніяхъ дѣланія Вашего; и сии благожеланія благоволите принять снисходительно отъ бывшаго и пребывающаго къ Вамъ, Д. М. Наставникъ! съ истинною и совершенною преданностью Алексѣя Благовѣщенскаго.

19 Июня, 1828 года.

С. Петербургъ.

П. П. Будучи увѣренъ въ Вашей благоснисходительности; покорнѣйше прошу Васъ засвидѣтельствовать мою истинную и совершенную преданность Всечестнѣйшему Отцу Архимандриту Евлампію, незабвенному нашему Наставнику, и попросить у него благословенія и св. молитвъ, а равно прощенія сему моему дерзновенію.

О существѣ, предметахъ и образѣ занятій нашихъ конечно Вамъ извѣстно изъ недавняго письма Василія Потаповича. Новости и рѣдкости здѣшнія, къ сожалѣнію или къ счастью нашему, очень мало извѣстны намъ; потому что выходъ нашъ весьма ограниченъ и простирается почти всегда по одному и тому же углубленному ^{Канц.} направленію. — 16-го числа былъ у насъ въ Ун—тѣ ^{Ун—тѣ} торжественный актъ, на которомъ въ присутствіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и другихъ многихъ знаменитѣйшихъ особъ Духовнаго, Военнаго, Гражданскаго, Ученаго сословія, читаны были Г.г. Профессорами: 1) отчетъ Уни—та за 1827 годъ, 2) разсужденіе по минерологіи, и 3) о Восточной словесности. Потомъ раздаваемы были дипломы кончившимъ кандидатамъ и студентамъ. Раздавать изволилъ самъ Г. Министръ. Нѣсколько словъ о немъ: мужъ величественнаго возраста, убѣленный сѣдинами, крѣпкаго сложенія, имѣетъ весьма важный видъ, взоръ кроткій, вниманіе неутомимое, смиреніе и благопривѣтливость.

V.

*Прин. рук. О. А. Г.*Отвѣчалъ при личномъ свиданіи
Юня, 1829.

Получилъ Окт. 15. 1828.

Ваше Высокоблагословеніе!
Незабвенный Наставникъ!
Достопочтеннѣйшій Отецъ Феодоръ!

Примите изъявленіе моего истиннаго сорадованія о томъ, что Богъ благоволилъ наконецъ принять Вамъ оный священнѣйшій санъ, по которому Вы имѣете дерзновеніе предстоять алтарю Господню, совершать на ономъ великое Таинство и возносить молитвы за вѣрныхъ. Господь да укрѣпитъ Васъ въ семъ великомъ служеніи, и да даруетъ Вамъ силу и способы питать и словомъ и духомъ еще большее число душъ, и еще дѣйственнѣйшимъ образомъ, нежели прежде! Осмѣливаюсь говорить такъ, ибо думаю, что никакое доброе желаніе не отвергается Богомъ, и что ничѣмъ не могу свидѣтельствовать Вамъ свое истиннѣйшее участіе, какъ добрымъ желаніемъ!

Первое извѣстіе о принятіи Вами сего Сана получили мы отъ одного Вашего единоплеменника, который изъ Костр. Семинаріи поступилъ—довольно странно—въ Спб. Университетъ; (конечно по особливимъ какимъ-нибудь удобствамъ); его родители видѣлись съ Вами, какъ онъ сказывалъ; но и тутъ едва могъ повѣрить, въ разсужденіи перемѣны Вашего состоянія, довольно скоро совершившейся (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось); но увѣрившись, еще разъ свидѣтельствую, не могъ не чувствовать, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Андр. и Константиномъ Алекс. истиннаго о томъ сорадованія.

О нашемъ положеніи ничего новаго сказать нельзя. Образъ нашихъ занятій одинъ и тотъ же, и только развѣ въ предметахъ занятій понемногу подвигаемся впередъ.—Недавно получили мы нѣкоторое ободреніе: Михайло Мих. отзывался о насъ о. Владиміру и велѣлъ сказать намъ сей отзывъ: что онъ весьма доволенъ нашими успѣхами, что его ожиданія въ разсужденіи насъ оправдываются, и пр. но это въ самомъ дѣлѣ мы должны принимать не болѣе, какъ за ободреніе, потому что не знаемъ, въ чемъ могъ онъ видѣть наши успѣхи; намъ только сообщаютъ познанія, но отчета

отъ насъ не спрашиваютъ: только одинъ профессоръ повторялъ пройденное изъ Полит. Экономіи—тутъ еще не много можно видѣть успѣховъ. Здѣсь я долженъ сказать, что о. Владиміръ, къ которому мы ходимъ, неоднократно препоручалъ засвидѣтельствовать Вамъ его истинное почитаніе.—Слышали мы также, какъ отъ него, такъ и съ другихъ сторонъ, что Мих. Мих. имѣеть мысль, и уже приступаетъ къ приведенію оной въ исполненіе—собрать около 100 чел. лучшихъ, или по кр. мѣрѣ хорошихъ учениковъ Семинаріи для составленія изъ нихъ Педагогическаго Института (каковъибыль и прежде) и, какъ кажется, особенно по части законовѣдѣнія, а можетъ быть, и единственно для сей цѣли. Но какъ не знаемъ ничего опредѣленнаго ни объ основаніяхъ, ни о цѣли сего заведенія, ни о томъ, какъ скоро это исполнено будетъ--то сіи слухи до времени могутъ быть только домашними—давно уже твердятъ о преобразованіи свѣтскихъ училищъ, всѣхъ вообще котораго проектъ, составленный Комитетомъ для сего учрежденнымъ, представленъ будетъ Государю по Его пріѣздѣ. Государя ожидаютъ сюда къ 15-му сего мѣс., а Государыня Алекс. Θεод. прибыла сюда 8-го, какъ то, думаю, уже извѣстно Вамъ изъ газетъ.—Сколько между тѣмъ Государь, будучи въ арміи, заботится, и сколько знаетъ о томъ, что происходитъ внутри, видно изъ слѣд. случая. На дняхъ, одинъ Гувернеръ частнаго Пансіона, пришедши домой, не трезвый, упалъ изъ окна верхняго этажа и убится до смерти. Это не было извѣстно въ публикѣ. Между тѣмъ, вскорѣ изъ лагеря подъ Варною Государь Императоръ присылаетъ замѣчаніе, по сему самому случаю, до него дошедшему,—Министру Просвѣщенія, и предписаніе о строжайшемъ смотрѣніи, надъ учебными заведеніями; Министръ разсылаетъ подобныя предписанія Попечителямъ, и т. д. Надобно при семъ замѣтить, что частные пансіоны, имѣютъ еще весьма мало отношенія къ Министру, не смотря на то, Государь къ нему обратился съ симъ замѣчаніемъ.—О новостяхъ военныхъ ничего не говорю, потому что *прежнія* конечно Вамъ извѣстны, а новѣйшихъ и мы не имѣемъ.—Сегодня только слышали, что о. Инспекторъ здѣшней Академіи представленъ къ степени Доктора. О другихъ слухахъ, если какіе носятя, почитаю бесполезнымъ писать: естественно, что въ такомъ городѣ, каковъ СПб. ихъ

всегда много; но и собирать ихъ и сообщать, кажется, равнопустой трудъ.—На сей разъ не имѣя; или не придумавши ничего важнѣйшаго, симъ долженъ я кончить.—Въ разсужденіи отвѣта на мои письма прошу Васъ искренно не заботится, при Вашихъ столь многихъ и важныхъ обязанностяхъ, и оставить оный до того времени, когда само скажетъ Вамъ Ваше сердце, въ расположеніяхъ коего я всегда увѣренъ, хотя бы и не получалъ ни строки отъ Васъ. Прошу Васъ еще, достопочтеннѣйшій Наставникъ! помянуть иногда меня въ молитвахъ Вашихъ; за симъ свидѣтельствуя мое истиннѣйшее почитаніе остаюсь Вашъ душевно преданный

Василій Знаменскій

Окт. 7-го 1828-го.

Прошу засвидѣтельствовать мое почитаніе Ея Сіятельству Графинѣ Парасковѣ Николаевнѣ, Елисаветѣ Андреевнѣ, Михаилу Владиміровичу и Александрѣ Ивановнѣ. Прошу также, при случаѣ объявить мое почтеніе почтеннѣйшему о. Анастасію, если онъ пріѣхалъ или скоро пріѣдетъ: и, если будетъ случай, Александру Иродіоновичу.

Константинъ Алекс. не приписываетъ ничего, потому что самъ располагаетъ писать.

Достопочтеннѣйшій Отецъ Θεодоръ! Незабвенный Наставникъ!

Примите и отъ меня усердное привѣтствіе и истинное сорадованіе о воспріятіи Вами свыше дарованной Благодати Священничества для содѣйствія въ великомъ дѣлѣ Благодатнаго Домостроительства. Съ глубочайшимъ уваженіемъ нарицаю Васъ именемъ Наставника, уступите моему благодарновѣнню нарицать Васъ сладчайшимъ именемъ Отца.—Благоволите, поучайте внимательнаго, благословляйте послушнаго молитесь о преданномъ Вамъ Алексѣѣ Благовѣщенскомъ.—Имѣю еще порученіе отъ Александра Петровича съ его семействомъ свидѣтельствовать Вамъ нижайшее почтеніе и донести, что они очень ожидали отъ Васъ письма на извѣстное предложеніе, согласно Вашему обѣщанію; я объяснялъ имъ причины неписанія Вашего. 27-го прошедшаго мѣсяца они, къ сожалѣнію моему, отбыли отсюда въ Москву водою. По прибытіи туда, намѣревались быть и въ Лаврѣ и видѣться съ Вами.

П. П. Достопочтеннѣйшимъ и Незабвеннымъ: Платону Ивановичу, Петру Спиридоновичу и Θεодору Алексѣевичу свидѣтельствую мое истинное почитаніе и преданность: а у Его Высокопреподобія о. А. Евлампія испрашиваю благословенія и молитвъ, преданный имъ

А. Благовѣщенскій.

VI.

Прин. рук. Ф. А. Г.:
Не успѣлъ отвѣчать.

Получалъ Окт. 21
1828-го года.

Ваше Высокоблагословеніе!
Достопочтеннѣйшій мой Наставникъ!

Поставляю прежде всего своимъ священнымъ долгомъ поздравить Васъ съ воспріятіемъ Божественной благодати и величественнаго служенія въ Церкви Христовой.

Съ сердечною къ Вамъ благодарностію я читалъ и перечитывалъ немногія строки руки Вашей, коими Вы меня удостоили. Я живо чувствовалъ при семъ, какъ и тогда, когда уже нельзя мнѣ пользоваться Вашими стяжаніями, Вы хотѣли раздѣлить ихъ со мною. Извѣстіе Ваше о приобрѣтенныхъ Вами новыхъ сочиненіяхъ Эшенмайера, Гейнрота, Зайлера перенесло меня внезапно въ то незабвенное время, когда я могъ свободно предаваться своему стремленію,—время, которымъ обязанъ единственно Вамъ, не только приѣмля изъ рукъ Вашихъ всѣ средства для удовлетворенія жадной склонности, но и непосредственно отъ Васъ самихъ получая драгоцѣнные уроки мудрости. Въ полгода многое уже успѣло переработаться въ душѣ, отсюду окруженной предметами новыми, неожиданными—открылись новыя стороны вещей, взоръ на дѣйствительное сдѣлался ближе и яснѣе, различіе между настоящимъ и тѣмъ, что должно быть, представилось несравненно разительнѣе; въ духѣ—безпрерывный хаотическій приливъ небывалаго, изъ коего безпрерывно творится новый міръ: но если и теперь свѣтлое въ духѣ всегда будетъ силиться преобладать надъ мрачнымъ, то искренняя за сіе моя благодарность принадлежить Вамъ.

У насъ въ Петербургѣ состояніе Философіи представляеть очень мало радостнаго. Въ Университетѣ, упавъ съ удаленіемъ Галича отъ Педагогическаго Института, она и доселѣ еще не могла возвыситься. Преподаваніе всѣхъ ея предметовъ возложено на трехъ наставниковъ, изъ коихъ одинъ обучаетъ Исторіи Философской, другой—самоі Философіи, кромѣ Права Естественнаго, для преподаванія котораго находится еще третій. Профессоръ сего послѣдняго есть Лодій—Нѣмецъ престарѣлый, воспитанный еще въ школѣ Вольфа. Сіе обстоятельство, также строгая привязанность Профессора къ своимъ писаннымъ (на Рос. языкѣ) лекціямъ, кои онъ въ классѣ только читаетъ, не вдаваясь ни въ какія дальнѣйшія объясненія, можетъ быть и самая естественная сухость предмета, совсѣмъ не позволяють блеснуть въ Университетѣ Праву Естественному.—Другія части Философіи преподаеть нѣкто Пальминъ—по Бавмейстеру, отъ коего онъ не позволяетъ себѣ отступать ни на шагъ, едвали сколько нибудь знакомый съ новѣйшими успѣхами Философіи, вызванный за недостаткомъ лучшихъ изъ одной Гимназіи, совсѣмъ не обладающій даромъ слова, говорящій рѣдко, отрывисто, съ непрерывнымъ кашляньемъ.—Исторія Философская, хотя и вся, проходится очень коротко.—Времени для уроковъ философскихъ опредѣлено очень мало: одинъ годъ (первый) по 4 часа въ нед. для Философіи, кромѣ Права Естественнаго, и одинъ (второй) для сего послѣдняго и для исторіи Философской—на каждый предметъ также по 4 часа въ нед.—Библіотека Университетская, и вообще не богатая, всего менѣе богата книгами Философскими, коихъ въ ней находится не болѣе 200 № на всѣхъ языкахъ. Но здѣсь есть многія сочиненія Канта, нѣкоторыя—Шеллинга; хотя число же книгъ философскихъ наполняютъ напр. духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха.—Что касается нашихъ собственно наставниковъ, по недостатку рѣшительно какихъ либо обнаруженій, совсѣмъ нельзя опредѣлить, какихъ началъ они держатся въ Философіи; только нельзя не замѣтить сильнаго вліянія Канта на Александра Петровича Кунницына—самаго пріятнѣйшаго наставника, съ обширнѣйшими познаніями, съ крѣпкимъ разсудкомъ.—Единственные и теперь люди, какіе славятся въ Петербургѣ по Философіи, суть Галичъ и Велланскій. Галичъ нынѣ даетъ у себя только

на дому частные уроки философскіе. Послѣ Опыта объ изящномъ онъ, сколько извѣстно, ничѣго не выдалъ въ печать; въ рукописяхъ ходять его Письма о Философіи.—Велланскій отличается въ Медикохир. Академіи—соединеніемъ Натуральной Философіи съ своими паеологическими уроками. Также и его нѣкоторыя сочиненія ходять въ рукописяхъ. Но онъ весьма стѣсненъ: ему не позволяется слишкомъ умствовать.—Вообще въ Петербургѣ Философія находится въ состояніи сжатомъ. Впрочемъ стремленіе къ ней въ молодыхъ людяхъ очень замѣтно. И со всею увѣренностію можно полагать—оно не останется безъ успѣха. Университеты ожидаютъ преобразованія, вмѣстѣ съ коимъ должна возстановиться въ нихъ въ полной силѣ и Философія. Вотъ что я могу сказать объ ея состояніи у насъ.—Исполняя симъ пріятнѣйшую обязанность, Вами на меня возложенную, въ медлительномъ исполненіи коей покорнѣйше прошу извиненія, и за тѣмъ пребывая съ глубочайшимъ къ Вамъ почтеніемъ, стаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга
Константинъ Неволинъ.

1828 г. 16 окт.

VII.

Ваше Высокоблагословеніе!
Всечестнѣйшій О. Протоіерей Феодоръ Александровичъ!

Ваша всеобъемлющая любовь, увѣдавъ о возвращеніи моемъ и моихъ любезнѣйшихъ товарищей—Василія Поталовича и Константина Алексѣевича изъ дальняго путешествія по чужимъ странамъ въ любезное отечество, давно уже упредила насъ свидѣтельствомъ своея истинныя радости и благожелательнаго усердія и чрезъ сіе исполнивъ всеобиліемъ благодарныхъ чувствованій давно уже внушила намъ долгъ къ неукоснительному засвидѣтельствуванію оныхъ предъ лицомъ Вашего Высокоблагослованія; но мы, особливо я, который по первенству удостоенія Вашего свидѣтельства первый обязанъ ко взаимному свидѣтельству, такъ долго, да проститъ Ваше великодушіе, замедлилъ онымъ. Не недостатокъ чувства цѣны, каковую Ваше живѣйшее участіе и бла-

горасположеніе къ намъ имѣеть въ глазахъ моихъ, не недостатокъ усердія или дерзновенія къ изображенію моеи благодарной признательности, сколь бы слабо впрочемъ оно ни было въ сравненіи съ величіемъ чувствъ Вашихъ относительно насъ, но главно и почти единственно множество дѣлъ по Канцеляріи предъ новымъ годомъ и отчасти медленный ходъ дѣлъ собственно нашихъ—были виною моеи косности въ исполненіи долга предъ Вами. Теперь, по приближеніи нашихъ дѣлъ къ скорому окончательному рѣшенію и по совершенномъ окончаніи работъ Канцелярскихъ, имѣю нѣсколько болѣе свободы и спѣшу посвятить ее на написаніе нижеслѣдующихъ строкъ.

Позвольте мнѣ, Ваше Высокоблагословеніе, принести Вамъ хотя позднюю, но усерднѣйшую благодарность за чувствованія Вашего живѣйшаго участія и благорасположенія ко мнѣ, сообщенныя Достопочт. О. Филаретомъ и мною полученныя съ глубокою благодарностію и почтеніемъ. Простекая отъ любвеобильной души Достопочтеннѣйшаго и Незабвеннаго моего Наставника въ Святилищѣ духовнаго образованія, они воспроизвели въ сердцѣ моемъ все обиліе многообразныхъ благъ, каковыми сей Наставникъ ущедрилъ меня въ общемъ изліяніи даровъ своего наставленія на учениковъ своихъ или въ особенныхъ бесѣдахъ, отъ непосредственнаго собесѣдованія о страхѣ Божіемъ, яко началъ премудрости, и о познаніи самаго себя (1824 Авг. 28) до нынѣшняго заочнаго свидѣтельства своего благорасположенія, объемлющаго прошедшую, настоящую и будущую судьбу моеи жизни,—и исполнили онѣ неизъяснимою радостію, возвышающею чувство благодаренія къ своему Виновнику.

Та же всеобъемлющая и непрестающая любовь, по водителству коеи Ваше Высокоблагословеніе увѣдали о возвращеніи нашемъ изъ чужемнаго края въ отечественный, конечно возбуждаетъ въ Васъ желаніе слышать отъ насъ нѣчто изъ достопримѣчательностей заграничной жизни нашей и о настоящемъ положеніи нашемъ. Со всею искренностію ученика сказалъ бы я Вамъ, Достопочтеннѣйшій и Незабвенный мой Наставникъ, о всемъ, что я за границу въ цѣлые три года видѣлъ, слышалъ, мыслить, чувствовалъ, дѣлалъ—вообще какъ жилъ, для того, чтобы все это подвергнуть суду опытной мудрости Вашей: но, до удобнѣйшаго

времени (желалъ бы, но Богъ знаетъ когда случится, посѣтить М. Д. Акадамію и побесѣдовать съ Вами какъ о семь важнѣйшемъ періодѣ въ цѣлой исторіи жизни моей и моихъ товарищей, такъ и о многихъ другихъ полезнѣйшихъ предметахъ), долженъ просить у Васъ увольненія отъ сей, хотя и весьма пріятной для меня обязанности.—О настоящемъ положеніи нашемъ и будущемъ окончательномъ устройствѣ судьбы нашей могу кратко сказать слѣдующее: съ пріѣзда нашего изъ-за границы сюда мы получили назначеніе заниматься и теперь занимаемся при 2-омъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи систематическимъ обработываніемъ правъ Остзейскихъ Губерній, для приведенія ихъ въ единство и единообразіе съ системою Общаго Россійскаго Законодательства, какъ она устроена въ представленныхъ предъ новымъ годомъ Его Императорскому Величеству на утверженіе Сводахъ Россійскихъ Законовъ, Уставовъ и Учрежденій. Какъ сіи Своды, по полученіи Высочайшаго утвержденія и по разсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ о мѣрахъ введенія оныхъ въ дѣйствіе, имѣютъ быть введены въ Судахъ для практическаго, а въ училищахъ (высшихъ) для теоретическаго употребленія по всей Россійской Имперіи: такъ и права Остзейскихъ Губерній, по соображеніи ихъ съ общимъ дѣйствующимъ Россійскимъ Законодательствомъ и съ коренными Государственными постановленіями, должествуютъ чрезъ Государственный Совѣтъ поступить на Высочайшее утвержденіе и по семъ введены въ дѣйствіе въ кругу своего дѣйствованія, т. е. только въ Остзейскихъ Губерніяхъ. Въ связи съ судьбою введенія Сводовъ въ высшія Училища для теоретическаго наукообразнаго употребленія состоитъ окончательное рѣшеніе нашей судьбы, какъ Профессоровъ Россійскаго Законодательства; о чемъ теперь и по министерству народнаго просвѣщенія дѣлаются зависящія распоряженія и въ Государственномъ Совѣтѣ новый Уставъ Россійскихъ Университетовъ, подлежащій разсмотрѣнію, уже скоро будетъ оконченъ разсмотрѣніемъ и поступить на Высочайшее утвержденіе.—Между тѣмъ, по слову Апостола: „кїждо въ званїи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ“ мы ходимъ теперь въ Канцелярію на дѣло свое и на дѣланіе до вечера, трудимся со упованіемъ, и благодаримъ Гос-

поду, даровавшему намъ съ новымъ годомъ новыя силы для продолженія настоящихъ и подъятія будущихъ трудовъ.

Ваше Высокоблагословеніе! Позвольте привѣтствовать и Васъ со вступленіемъ въ новый годъ и проситъ Вамъ отъ Господа, да вѣчное Его Провидѣніе, содержащее въ своей власти всѣ времена и лѣта и благословившее насъ симъ новымъ годомъ, содѣлаетъ оный въ теченіи своемъ новымъ обильнѣйшимъ источникомъ для поддержанія и укрѣпленія драгоценнаго здравія Вашего; да преизливаетъ новыя совѣты Своей вышней мудрости, потребныя въ Вашемъ служеніи Церкви; да знаменуетъ всѣ дѣла и начинанія новыми небесными благословеніями и да сохранить Васъ впредь на многія лѣта.—Примите сіе истинное свидѣтельство моего благодарнаго и преданнаго Вашимъ св. молитвамъ сердца. Съ чувствомъ глубочайшаго почитанія имѣю честь быть

Вашего Высокоблагословенія
покорнѣйшимъ слугою, Алексѣй Благовѣщенскій.

... С.-Петербургъ, 9 Января 1833 года.

Достопочтеннѣйшій Наставникъ, Феодоръ Александровичъ! Стыжусь почти приписывать сіи бѣдныя строки, чувствуя и побужденіе и долгъ сердца писать пространнѣе уже съ давняго времени,—хотя внутреннее расположеніе конечно и не числомъ строкъ измѣряется, и наипаче въ Вашихъ глазахъ;—впрочемъ здѣсь не позволяю себѣ даже распространиться въ извиненіи себя предъ Вами; одно только желалъ я здѣсь выразить: то, что я желаю—не смотря на долговременное мое молчаніе, желаю сохранить, или, по крайней мѣрѣ, возобновить мои прежнія, столь нѣкогда мнѣ любезныя, отношенія къ Вамъ,—отношенія, изъ коихъ произвожу я большую часть того добраго, которое еще остается во мнѣ, и которое меня, можетъ быть, при многихъ случаяхъ отъ многаго спасало.—Такъ, незабвенный Наставникъ-Другъ! (осмѣлюсь такъ назвать Васъ) дай Богъ при всѣхъ разнообразныхъ опытахъ жизни не терять никогда изъ вида ту путеводящую звѣзду, на которую Вы всегда намъ указывали, впрочемъ надѣюсь вскорѣ бесѣдовать съ Вами пространнѣе. Примите мое истинное сердечное почитаніе, съ которымъ есмь

Вамъ преданный *Василій Знаменскій.*

Достопочтеннѣйшій Наставникъ, Ѡеодоръ Александровичъ! Свидѣтельствую Вамъ мое сердечное глубокое почитаніе.— Отъ Якова Ивановича Баршева, при нашемъ отъѣздѣ изъ Берлина, я получилъ для пересылки къ Вамъ *Bibeldeutungen von Meyer* и *Abhandlung etc. von Michelet*. Оба сочиненія, вмѣстѣ съ другими нашими книгами, были удержаны, при нашемъ переѣздѣ чрезъ границу въ Россію, въ Юрбургской таможнѣ для препровожденія оныхъ на разсмотрѣніе въ Цензурной Комитетъ. Получивши Ваши книжки, я честь имѣлъ отправить оныя къ Вамъ—на Святкахъ.

Вамъ преданный *Константинъ Нволинъ*.

VIII.

Прин. рук Ѡ. А. Г.:

Любезнѣйшій Василій Потаповичъ
скончался Янв. 30. 1835-го г.

Достопочтеннѣйшій Наставникъ!
Ѡеодоръ Александровичъ!

Только старинное замѣчаніе, что письмо не умѣетъ краснѣть, даетъ мнѣ смѣлость приняться за перо, чтобы послѣ столь долговременнаго молчанія начать съ Вами бесѣду заочную; притомъ же и то приходитъ на мысль, что болѣе должно быть стыдно такъ долго молчать, нежели прерывать молчаніе. Надѣюсь что, это молчаніе не совсѣмъ еще изгладило меня изъ Вашей памяти, по крайней мѣрѣ мой голосъ, хотя и не живой, найдетъ путь къ Вашей душѣ, которая, какъ я издавна увѣренъ, для всѣхъ открыта, въ которой никому не будетъ тѣсно. О причинахъ долгаго этаго молчанія бесполезно распространяться: скажу только, что нѣсколько разъ моя душа, разогрѣтая бывалою теплотою, въ чувствѣ потребности благороднѣйшаго внутренняго сообщенія, готова была раскрыться передъ Вами со всѣмъ; что есть въ ней худаго и добраго: и столько же разъ остужалась прикосновеніемъ внѣшняго холоднаго воздуха, и опять сжималась въ самой себѣ. И сколько западаетъ къ намъ въ сердце добрыхъ сѣмень, которыя, при самомъ своемъ раскрытіи, мѣлкими заботами ежедневной жизни подавляются и не совершаютъ плода! Явиться къ Вамъ съ одними сухими извѣстіями о нашемъ житьѣ—бытьѣ, о ходѣ нашихъ

внѣшнихъ дѣлъ, или съ газетнымъ перечнемъ новостей П. Бургскихъ—на это я не могъ никогда рѣшиться. По моему собственному чувству это значило бы послать скорлупу безъ ядра. Только порожденія души, исторія міра внутренняго—какова бы она впрочемъ ни была—можетъ имѣть какую-нибудь цѣну для того, кто привыкъ жить болѣе въ мірѣ внутреннемъ. Но эта исторія намъ, можетъ быть, всего менѣе извѣстна. Часто ли мы имѣемъ охоту въ нее всматриваться? (Разумѣю насъ, кружащихся доселѣ среди внѣшнихъ ожиданій, страховъ, надеждъ, плановъ и т. п.) всматриваясь, что можемъ схватить изъ нея, кромѣ отрывковъ? И эти отрывки умѣемъ ли представить въ ясныхъ и живыхъ чертахъ? И я не знаю теперь, что сообщить, кромѣ отрывковъ. Чувствую, что много, много произошло во мнѣ перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ по волѣ высшей на этотъ путь, даже со времени послѣдняго моего къ Вамъ письма (которое, если не ошибаюсь, писалъ изъ Берлина). Къ лучшему онѣ произошли, или къ худшему—не знаю; да и нельзя этаго сказать *вообще*. Чувствую, что теперь, болѣе нежели когда нибудь, нужна мнѣ помощь друга—но не обыкновеннаго друга, а такого, какихъ рѣдко находить можно,—друга, которой—по выраженію домашняго Поэта—былъ бы *нашею совѣстью, вторымъ для насъ Провидѣніемъ* (не знаю, не слишкомъ ли смѣлое выраженіе). Нужна рука сильная, которая бы могла сдержать и направить и колеблющійся разумъ, и шатающіеся порывы воли; нуженъ глазъ зоркій, который бы вѣрно измѣрилъ и силы и потребности души, открылъ ея болѣзни и средства врачующія. Нуженъ голосъ крѣпкій и вмѣстѣ знакомый душѣ, который бы я всегда узнавалъ, котораго бы всегда слушалъ, который бы повелѣвалъ мною, какъ собственное убѣжденіе.—Но гдѣ они, такіе друзья? есть ли они на землѣ? не есть ли такой другъ болѣе, нежели человекъ?—Не знаю!—Но не могу ли я высказать о себѣ что нибудь яснѣе, въ этихъ немногихъ строкахъ? Испытаемъ. Не буду щадить себя; ибо знаю, что найду въ Васъ судью, котораго ничто человѣческое удивить не можетъ.

До самаго отправленія за границу держался я дѣтскою вѣрою; вижу теперь, что разумъ мой дотолѣ былъ во младенчествѣ, ходилъ совершенно на помочахъ этой вѣры. Этой

дѣтской вѣры, преданной, не испытующей, спокойной—ея нѣтъ болѣе! Я отвращался холодныхъ, убійственныхъ умствованій Нѣмец. Богослововъ, я ужасался дерзостныхъ мечтаній Нѣм. Философовъ, хотящихъ перестроить по своему самое Божественное, не подвергая испытанію ни тѣхъ, ни другихъ;—мой разумъ былъ слабъ! Но въ то самое время смѣлость, съ какою потрясали они все для меня священное, оставила, безъ моего вѣдома, слѣды въ моей душѣ, коихъ я изгладить не могъ. Не примѣтно падали для меня всѣ внѣшнія, историческія подпоры вѣры, вся наружная оболочка религіи; находя въ ней много произвольнаго, много человѣческаго, —я отсѣкалъ одно за другимъ, и наконецъ—не зналъ, гдѣ остановиться, не знаю этого и доселѣ! Я возвратился съ вѣрою, но съ вѣрою (назову однимъ словомъ для краткости) философскою; чувство Божественнаго, внутренняя вѣра въ Существо Безконечное, потребность Религіи для души, для всего существа нашего—разкрылись во мнѣ кажется сильнѣе нежели когда нибудь; никогда, кажется доказательства бытія и совершенствъ Божественныхъ не представлялись мнѣ столь ясными и поразительными. Но въ тоже время все это удаляется предо мной въ какую-то туманную даль, неопредѣленную, безобразную безконечность... Гдѣ предѣлъ, или гдѣ точка соединенія между Божествомъ и человѣчествомъ?... Здѣсь является таинство воплощенія, но—воплощеніе въ томъ строгомъ смыслѣ, какъ принимаетъ его Церковь? для нашей бѣдной земли, которая составляетъ безконечно малую пылинку среди миллионовъ міровъ, среди безконечности мірозданія? Но удовлетвореніе за грѣхи Правдѣ Божіей?... разумъ въ трепетѣ отступаетъ назадъ! Божественность Христова ученія для того только не очевидна, кто не хочетъ имѣть глазъ, чтобы видѣть: но за чѣмъ примѣшано къ нему столько человѣческаго? и если оно не могло быть безъ человѣческаго; за чѣмъ все это равно признавать за Божественное? за чѣмъ вѣчное хотѣть навсегда заключить въ рамки, изгнивающія отъ времени? За чѣмъ безконечное развитіе Божественнаго хотѣть ограничить однажды наложенными мѣрами и очертаніями человѣческими?—Но съ другой стороны: какъ же обойтись безъ нихъ? гдѣ взять общую мѣру для каждаго времени? Или, неужели разуму каждаго предоставить быть этою мѣрою? Или общему ра-

зуму и духу вѣка, который обыкновенно самъ не знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ, и который опять всякой разумѣтъ по своему?—Вотъ распутіе моей вѣры: но я не дошелъ еще до того, чтобы хвалиться этою вѣрою, или чтобы ею успокоиваться. Напротивъ: въ часы потребности сердечной чувство все еще схватывается за старое; (при этомъ я вспоминаю слова Якоби, который сравнивалъ себя гдѣ-то съ Іеремією, спасшимся изъ рва съ помощію старыхъ платковъ;) бѣжа отъ самаго себя, невольно прибѣгаешь держаться за рогъ олтаря. Все еще эти звуки, столь нѣкогда всеильные, знакомы душѣ, и голосъ Церкви отзывается чѣмъ-то матернимъ. Я представляю себя иногда въ положеніи Фауста въ ночи на Свѣтлое Хр. воскресеніе; но—благодареніе Богу!—я не дошелъ еще до этой степени охлажденія, до такого раздвоенія любознательности и чувства! Вѣра сердца въ Божественное все-таки остается для меня крѣпкимъ камнемъ, на которомъ можно удержаться среди волненій разума, и даже среди порывовъ страстей и пожеланій необузданныхъ. И здѣсь опять вѣра Христова—какъ она согласна съ вѣрою духа человѣческаго,—я бы хотѣлъ сказать, духа Божественнаго, который живетъ въ основаніи существа нашего! Но и здѣсь опять преткновеніе! Я могу только на этомъ оселкѣ повѣрить вѣру откровенную, это для меня самое твердое основаніе убѣжденій: а отъ меня требуютъ, чтобы я опирался на основанія историческихъ, внѣшнихъ. Но если бы всѣми этими чудесами была обличена религія Магометова, я все не призналъ бы ея за чистое откровеніе!—И однако опять это самое Божественное. въ насъ живущее—какъ опредѣлить его? Какое дать ему очертаніе?—Мнѣ говорятъ: это только подлежательное; всякой чувствуетъ по своему; это послѣднее твое основаніе только для тебя имѣетъ силу“. Какъ же на этомъ подлежательномъ основаніи утвердить что нибудь общее? Я чувствую, что это самое глубокое, самое владычественное, что живетъ въ моей душѣ; я не имѣю высшаго въ себѣ суда, къ которому бы могъ перенести дѣло на рѣшеніе: но этотъ судъ только для меня имѣетъ силу. Можетъ быть воспитаніе дало мнѣ этотъ внутренній образъ бытія; можетъ быть эти начала суть только извлеченіе и сущность изъ ученія той вѣры, въ коей я воспитанъ? Можетъ быть что они суть общее произведеніе этого

ученія и особеннаго свойства моей души, полученное мною отъ природы и отъ воспитанія (разумѣю не одно педагогическое воспитаніе)? Знаю все, что обыкновенно отвѣчаютъ на это; чувствую и то, что мое внутреннее убѣжденіе сильнѣе всѣхъ этихъ возраженій; но въ то же время вижу, что разумъ остается неудовлетвореннымъ, что противу возраженій разума нѣтъ равносильныхъ для разума же отвѣтовъ. Но что такое разумъ? что такое истина? однимъ ли умствующимъ разумомъ познается и повѣряется истина? Не могу думать. Этотъ разумъ есть только одна сторона, одинъ образъ дѣятельности внутренней: а истина должна быть чѣмъ-то всестороннимъ, объемлющимъ все существо наше. Есть вещи, въ коихъ я не могу убѣдиться, хотя бы онѣ основывались на самыхъ строгихъ Маѳемат. доказательствахъ; есть другія, коимъ я вѣрю безъ этихъ доказательствъ.—Есть высшая сила, отвѣчаютъ мнѣ другіе: есть *умъ* (Vernunft). Но что онъ? Гдѣ онъ? Не долженъ ли я *взрѣть* и въ его бытіе? И откуда онъ является, если мое сознаніе раскрывается такъ поздно, только мало по-малу? что я не сознавалъ въ себѣ прежде, того для меня и не было; или оно было не во мнѣ. Не естественно ли думать, что всѣ силы души развиваются только со временемъ изъ какого-то сѣмени недовѣдомаго, а этотъ инстинктъ, по которому онѣ развиваются, есть только дѣйствіе высшихъ законовъ, для меня неизвѣстныхъ, и познаваемыхъ мною поздно и мало по малу; слѣд. моя душа развивается сначала такъ же, какъ растеніе, которое не знаетъ о законахъ своего развитія. Теперь вопросъ: почему же полагать мнѣ, что эти законы были уже съ самого начала въ моемъ *умѣ*, (какъ *врожденные идеи*), а не въ томъ Единомъ Умѣ, по идеямъ коего развивается все конечное?—Но сіи идеи отпечатлѣваются въ нашемъ умѣ, который для того и созданъ.—Такъ; но онѣ отпечатлѣваются только со временемъ чрезъ познаніе (*cognitio*) и размышленіе, а въ началѣ мы не имѣемъ ничего болѣе, кромѣ способности къ этому, возможность, но еще не дѣйствительность.—Но этому не было бы конца, если бы я хотѣлъ продолжать; довольно: въ этомъ кругу сомнѣній я обращаюсь непрестанно; можетъ быть, эта мгла когда нибудь прояснится, можетъ быть никогда. По крайней мѣрѣ я имѣю ту утѣшительную увѣренность, что драгоцѣннѣйшее, необходимѣйшее для моего зна-

нiя и дѣйствованiя мнѣ дано, (не знаю какъ и откуда); что Существо Высочайшее, вложившее въ меня исканiе истины, не отвергнетъ меня, не оставитъ въ этомъ лабиринтѣ, въ который я зашелъ, ища истины. Но я доселѣ не касался еще моего состоянiя нравственнаго: и здѣсь великiя перемѣны; и здѣсь я бы никогда не кончилъ, если бы хотѣлъ его описывать: и это болѣе нежели гордость, болѣе нежели какая нибудь самолюбивая робость удерживаетъ меня теперь отъ этого описанiя. Скажу коротко: заразительный воздухъ Берлина не остался безъ дѣйствiя на меня. Я прiѣхалъ туда съ гордостью самоувѣренности; съ этою же гордостью выбралъ себѣ квартиру, не взирая на нѣкоторые признаки опасности (нравственной)—и наказанъ, тяжело, наказанъ за гордость! Только рука Провидѣнiя избавила меня отъ постыдныхъ узъ, меня связывавшихъ; не я, но она одна видимо и по малу разрывала ихъ предо мною. Но чувствую, что я неблагодаренъ, невѣренъ предъ Всеблагимъ: я возвратился съ воображенiемъ развращеннымъ, съ удвоенною поползновенностiю ко грѣху; я узналъ на опытъ, какимъ образомъ пожеланiе, сочетавшись со грѣхомъ (внѣшнимъ), рождаетъ смерть. Теперь я молю Бога, чтобы Онъ послалъ мнѣ добрую и вѣрную подругу жизни; но не знаю, достоинъ ли я того. И здѣсь заразительная атмосфера; хотя здѣсь порокъ является не въ столь привлекательной формѣ, и болѣе внушаетъ отвращенiе: но это отвращенiе, почти невольное,—ненадежная защита. Равнодушiе, съ какимъ говорятъ здѣсь о сихъ вещахъ, убійственно. Развратъ ограничивается большею частiю только расчетомъ и прикрывается тонкимъ покровомъ благоприличiя, въ здѣшней столицѣ, которую называютъ еще монастыремъ въ сравненiи съ иноземными столицами. А что всего ужаснѣе,—и простой нашъ народъ, стекающiйся сюда отъ всѣхъ сторонъ, глотаетъ этотъ развратъ съ жадностiю, смѣшивая съ необразованностiю, перерабатываетъ въ самыя грубыя формы, и, вѣроятно, приноситъ его потомъ съ собою въ села и деревни во всѣ края Россiи. Но надобно возвратиться къ себѣ; врачъ исцѣлился самъ!—Самый идеалъ для дѣятельности, кажется, въ слѣдствiе перемѣны умственной, измѣнился: родилась оппозицiя противу уединенной, отрицательной, монашеской жизни; дѣятельность полезная общественная кажется мнѣ выше всего.

Но на чемъ же она должна быть утверждена?—вотъ вопросъ, который доселѣ не уясненъ для меня. Онъ ведетъ назадъ къ умственнымъ началамъ. Отвлеченные идеалы шатки: ищешь образцовъ въ дѣйствительности, чувствуешь нужду кому-нибудь удивляться, подражать, воздавать уваженіе: но и тутъ—что мнѣ дѣлать съ собой? Въ Исторіи можно еще находить идеальные, высокіе характеры, примѣры дѣятельности; достойные подражанія челоуѣчества (напримѣръ, нельзя пройти мимо статуи великаго Основателя этой столицы, чтобы каждый разъ не быть потрясеннымъ представленіемъ этой исполинской силы духа и дѣятельности); изъ Пастырей Церкви всего чаще обращается мысль на Св. Дмитрія Ростовскаго и на близкаго къ намъ по времени Михаила Митр.). Но настоящими—почему бываемъ мы всегда такъ не довольны настоящими? Знаю, что это не языкъ христіанскаго смиренія, но—это моя исповѣдь предъ Вами—онъ перѣдко отзывается во мнѣ. „Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы, которыхъ должно намъ принять за образцы?“—видимъ довольно образцовъ по уму; но образцовъ для дѣятельности нравственной—какъ мало? все, что кажется издали великимъ, за чѣмъ съ жадностію бросается душа—все это, при приближеніи теряетъ свою великость. И въ самомъ высокомъ Геніи безъ благородства нравственнаго характера нѣтъ еще великаго!—Знаю, что отвѣчать на это: люди всѣ со слабостями; нѣтъ подъ луной ничего совершеннаго; каждый долженъ заботиться о собственномъ исправленіи; знаю и чувствую: но я хочу только открыть себя со всѣхъ сторонъ; я не ищу нравиться; желаю только высказать потребности и—грезы души, которая, можетъ быть, сама себя не понимаетъ.——Здѣсь теченіе моихъ мыслей прервано сторонними обстоятельствами, и я не могу продолжать въ томъ же тонѣ, не имѣя нужнаго для того спокойствія духа. Ограничусь сообщеніемъ фактовъ. Давно уже объявлено было намъ Михайломъ Мих. Спер. ¹⁾, что двое изъ насъ должны будутъ отправиться въ Кіевскій Университетъ: теперь приспѣло время исполненія. Начальникъ Отдѣленія М. А. Балугьянскій призывалъ насъ недавно

¹⁾ Графъ. М. М. Сперанскій. *Ред.*

къ себѣ, и спрашивалъ, какую каждый изъ насъ желаетъ избрать каѳедру по Правовѣдѣнію, сказавши, что всѣ мы ¹⁾ должны поступить въ Кіев. Университетъ. (Поводомъ къ этому было сообщеніе Министра Просв. Михайлу Мих. коимъ первый спрашиваетъ, не можетъ ли послѣдній отпустить изъ насъ нѣсколькихъ для занятія каѳедръ въ К. Унив., о чемъ уже и прежде были разныя сношенія). Желających изъ насъ нѣтъ ни одного, но если будетъ рѣшительная воля Начальства; то конечно мы готовы отправиться. Мѣста хорошія: Ординарному Профессору жалованья съ квартирными 4500 р.—Теперь мы въ состояніи самомъ нерѣшительномъ и довольно неспокойномъ. Что до меня, кромѣ личныхъ причинъ, я имѣю еще разныя родственныя отношенія, кои заставляютъ меня предпочитать П.Бургъ. (Я думаю, Вамъ не безызвѣстно, что я лишился въ послѣдніе годы обоихъ Родителей). Теперь меня занимаютъ вопросы: *должно* ли отъ этаго назначенія уклоняться?—Если должно (по личнымъ причинамъ), *можно* ли уклониться? и если можно, какимъ образомъ?—Мы оканчиваемъ все еще наши диссертациі; двое—я и Конст. Алекс.—кончили, а трое кончатъ чрезъ нѣскольکو недѣль. За симъ должно будетъ ихъ защищать публично, какъ водится. Мое предложеніе: *de philosophica juris civilis tractandi ratione, per comparationem jurium diversarum gentium instituenda*. Впрочемъ думаю, что и объ этомъ свѣдѣнія дошли до Васъ, чрезъ письма наши въ Академію. Прочее о нашихъ обстоятельствахъ сообщить Вамъ, какъ я надѣюсь, податель письма, Иванъ Васильевичъ Плат. ²⁾, равно какъ и о ихъ собствен-

¹⁾ Впрочемъ на его слова объ этомъ еще положиться нельзя, какъ мы видимъ изъ соображенія всего дѣла и изъ прежнихъ примѣровъ.

²⁾ „И. В. Платоновъ. Черезъ три года ученія въ Академіи въ сентябрѣ 1829 г. былъ избранъ вмѣстѣ съ братьями С. И. и Я. И. Варшавскими для изученія юридическихъ наукъ и въ октябрѣ 1829 года вмѣстѣ съ ними явился во второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества. Послѣ двухгодичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ Отдѣленіи и въ Петербургскомъ Университетѣ онъ вмѣстѣ съ Варшавскими слушалъ лекціи по той же спеціальности въ берлинскомъ Университетѣ и въ свободное время по приглашенію обучалъ двухъ сыновей графа Д. Н. Блудова и преподавалъ русскій языкъ принцу Прусскому Адальбергу. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора-правъ, Платоновъ въ 1835 году опредѣленъ былъ въ Харьковскій Университетъ по

ныхъ обстоятельствахъ. Они, т. е. весь ихъ курсъ, возвратились нынѣ изъ за границы, и должны выдержать экзамень тѣмъ же порядкомъ, какъ и мы; только, вѣроятно, не будутъ дожидаться, по нашему, 2-хъ годовъ.—Что касается до П.Бургскихъ новостей; важнѣйшая новость есть у насъ открытіе Александровской колонны: но объ этомъ безъ сомнѣнія будетъ писано въ разныхъ газетахъ и полнѣе и лучше моего. Зрѣлище было великолѣпное: всего поразительнѣе и трогательнѣе для меня паннихида и *вѣчная память* Освободителю Европы (такъ какъ и въ день Рождества Христова этотъ возгласъ всегда наполняетъ душу высокою и сладкою уныlostію), и паденіе на колѣна войскъ покрывавшихъ всю площадь (всего 147,000—но не всѣ были умѣщены на самой площади—что было бы невозможно). На колоннѣ, какъ извѣстно, поставленъ Ангелъ, держащій крестъ одною рукой, а другою—указующій на небо. По общему слуху, Ангелъ представляетъ Блаж. памяти Императора Александра, и даже, говорятъ, имѣеть его черты лица (я не могъ разглядѣть—высоко): это многимъ не нравится, или кажется соблазнительнымъ. Мнѣ напротивъ нравится эта мысль; что намъ до человѣч. слабостей Почившаго? Мы видимъ въ немъ теперь болѣе идею, нежели человѣка; или пусть и человѣка, но такого, коего Провидѣніе избрало быть орудіемъ возвеличенія Россіи и освобожденія Европы, такого, который характеромъ своимъ дѣйствительно опирался на вѣрѣ Христовой,—который по этому можетъ быть названъ Ангеломъ Вѣстникомъ Провидѣнія народами земными. Но объ этомъ довольно. Хотѣлъ было кстати приложить стихи на Греч., написанные на этотъ случай здѣшнимъ Профессоромъ Грефе: но вотъ уже пришелъ Ив. Вас. который торопитъ окончить письмо.—Не знаю, нужно ли извѣщать Васъ о неприятомъ положеніи, въ которомъ поставленъ мой братецъ Павелъ Потап.; я думаю, Вы объ этомъ

каедрѣ законовъ благоустройства и благочинія государственнаго, и въ 1837 г. получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1848—ординарнаго профессора. Въ 1856 г. за выслугою срока оставилъ службу при Университетѣ.* (С. К. Смирновъ,—Исторія Моск. Дух. Акад., стр. 488—489. Тамъ на стр. 489 помѣщенъ списокъ сочиненій И. В. Платонова. Еще о немъ см. на стр. 270).

извѣстны; за то я неизвѣстенъ объ окончаніи этого дѣла; не получалъ писемъ отъ вел. Поста. Вы согласитесь, что очень непріятно быть подверженнымъ ствѣтственности за чужіе грѣхи,—терпѣть за легкомысліе Начальника, съ которымъ нельзя же во всякомъ дѣлѣ спорить. Я писалъ было къ Отцу Инспектору; впрочемъ не могу надѣяться, кажется; ничего, такъ какъ и не могу никого просить объ измѣненіи законнаго (Legate) порядка дѣла. Во всякомъ случаѣ кажется, братъ мой подвергнется вмѣстѣ съ другими взыскацію, и кажется, немалому (по слухамъ) и сверхъ того, это будетъ прописано въ послужномъ спискѣ, тогда какъ онъ готовился оставить эту службу. Впрочемъ это я пишу вовсе безъ цѣли, просто, потому что не могъ не коснуться этого дѣла, пиша къ Вамъ, принимающимъ такое близкое участіе во всемъ нашемъ семействѣ. И такъ и объ этомъ довольно.—Слышали мы—и это уже давно—что послана къ Вамъ на рецензію книжка Сидонскаго: Введеніе въ Науку Философіи. Авторъ ея—съ которымъ я знакомъ—былъ сперва въ нѣсколько безпокойномъ ожиданіи; даже просилъ было меня, (узнавши, что я съ Вами знакомъ), написать къ Вамъ объ этомъ: но я отклонилъ это. Что я могъ писать къ Вамъ? я не могу ни Васъ, ни кого другаго просить—поступить вопреки своего убѣжденія или совѣсти. Впрочемъ и самъ Авторъ, кажется, не желалъ этого; но онъ имѣлъ причину безпокоиться; и я могу, кажется, теперь объяснить о дѣлѣ свободно, хотя бы это было даже вопреки Вашего мнѣнія. Мнѣ казалось, и кажется, что книга не заслужила того гоненія, которое воздвигнуто на нее, и за нее на Автора: извѣстно, что сей послѣдній потерялъ за нее прежнее мѣсто при Академіи, и остался кое-какъ на Франц. языкѣ. Впрочемъ я слышалъ отъ Автора, что онъ, не взирая ни на что, готовъ съ ревностію трудиться для просвѣщенія, такъ конечно, какъ онъ его понимаетъ, и поелику нѣтъ надежды, чтобы пропустили какую либо книгу его по Богослов. предметамъ, онъ трудится по философіи, хотя дома работаетъ и надъ первыми. Да! должно отдать ему полную справедливость: онъ имѣетъ ревность истинную, и отнюдь не корыстную, по одной любви къ наукѣ, трудиться для нее. Что до упомянутой книги: въ ней много конечно недостатковъ, неопредѣленности, сбивчивости, неисправностей въ слогѣ;

но и высказано направленіе благородное, много истинъ выражено съ достоинствомъ, и много такого, чего у насъ, гдѣ такъ мало мыслятъ, доселѣ еще не говорили публикѣ. Это только мое мнѣніе. У этого же Автора есть много матеріаловъ для изданія. По связи, хотя неприятной, можно бы коснуться О. Иннокентія, Ректора Кіев. Академіи—коего дѣлу я не умѣю найти другаго имени, какъ *гоненіе*: но боюсь зайти слишкомъ далеко. Знаю, что находятъ въ немъ подозрительнымъ: но—да прильпнетъ языкъ къ гортани... Я не могу не восхищаться его ревностною, благородною дѣятельностію, не могу говорить вопреки моему собственному убѣжденію, или—долженъ молчать!—Время кончить. Знаю, что высказалъ многое, что болѣе или менѣе не согласуется съ Вашимъ образомъ мыслей: но я предположилъ писать откровенно, какъ думаю, чтобы представить Вамъ себя и свой теперешній образъ мыслей безъ закрытій; и готовъ бы былъ съ радостію принять вразумленіе. Я раскрылъ здѣсь болѣе, нежели только образъ мыслей; надѣюсь, что Вы отдадите справедливость моему намѣренію. Жаль, что долженъ такъ поспѣшно кончить. Прошу объявить мое почтеніе О. Инспектору Филарету, Василью Григорьевичу, Павлу Игнатьевичу, и Ивану Прохору въ Виѣніи—болѣе никого, кажется, нѣтъ знакомыхъ.

Васъ сердечно почитающій и преданный Вамъ, незабвенному Наставнику, которому одолженъ многимъ, многимъ добрымъ—

В. Знаменскій.

Сентября 3-го
1834-го.

Константинъ Алексѣевичъ и Алексѣй Андреевичъ свидѣтельствуютъ Вамъ свое почтеніе.
